

Он не был настолько строгим и консервативным человеком, чтобы требовать от принцессы соблюдения всех правил, поэтому подъехал ближе к окну и тихо спросил:

— Ваше Высочество, может быть, вы что-то хотите? Я могу послать кого-нибудь купить.

Жун Цзянь покачал головой:

— Я просто смотрю.

Он не хотел мешать им, просто наблюдая за ними, чувствуя, что наконец-то может вздохнуть свободно.

Он действительно жил в этом мире, а не был заперт в сцене глубокого дворца.

Такая процессия всегда привлекала внимание.

— Ого, какой большой кортеж, чей это?

— Только что проехал мимо моего лотка, золотой верх и жёлтый навес, это королевский кортеж?

— Королевский? Недавно я слышал от человека, работающего в управлении, что старшая принцесса отправится в Храм Защиты Государства для вознесения молитв, и дорогу освободят. Я думал, что в тот день нельзя будет открывать лавки, но потом сказали, что это не так. Принцесса действительно выехала?

— Но мои соседи тоже не слышали, что Храм Защиты Государства сегодня не принимает посетителей. Они даже собирались пойти помолиться за своего внука.

— Ну, тогда это не так. Пару лет назад, когда навещала наложница, это заняло целый день, и несколько улиц рядом с домом Сяо были закрыты, чтобы никто не потревожил её. Если бы это была принцесса, разве бы её так недооценивали?

— Кто знает, дела императорской семьи.

Так как они ехали по узкой дороге, скорость была невысокой, и через час они добрались до подножия горы. Дорога в гору была ещё уже и круче, и хотя другие повозки уступали им дорогу, Жун Цзянь вышел из кареты только к девяти часам утра.

Древний храм был величественным и торжественным, вековые сосны и кипарисы затеняли небо, а издалека была видна величественная пагода, окружённая паломниками.

Жун Цзянь заранее надел длинную вуаль, закрывающую лицо, и, опираясь на руку Лин Сун, вышел из кареты. За ним следовали десяток охранников, остальные по указанию Цинь Шуйхуа рассредоточились вокруг, охраняя главные и боковые ворота, а также перекрёстки у подножия горы.

Через тонкую вуаль Жун Цзянь взглянул на небо и подумал, что это время никак нельзя назвать ранним. По словам вдовствующей императрицы, это было недостаточно благочестиво. Но если бы он хотел вознести первую молитву, ему пришлось бы встать посреди ночи и ехать в темноте, что было слишком рискованно. Вдовствующая императрица не хотела отпускать принцессу на ночь. Иначе Жун Цзянь с радостью сделал бы это.

Сегодня в Храме Защиты Государства было особенно много знатных и богатых семей.

Весть о том, что Жун Цзянь посетит храм, быстро распространилась среди знати. Жун Цзянь не был затворником в дворце, каждый день он выходил на уроки и знакомился с молодыми людьми, но попасть во дворец могли лишь немногие. Хотя шансы были малы, некоторые семьи надеялись, что смогут сблизиться с принцессой или просто посмотреть на неё, поэтому многие пришли.

Момо Чэнь с улыбкой сказала:

— Ваше Высочество, сначала вознесите молитву за вдовствующую императрицу.

Чжан Саньчуань, стоявший рядом, тут же дал знак своему помощнику освободить место для молитвы.

Жун Цзянь сначала подумал, что это неправильно, но затем решил, что если он будет ждать в очереди, то через полчаса другие уже не смогут войти, и счёл это морально допустимым.

Жун Цзянь с уважением взял благовония у монаха и произнёс множество молитв, это было необходимо для вдовствующей императрицы.

Итак, на глазах у всех «искренняя и почтительная» старшая принцесса Жун Цзянь вознесла молитву за вдовствующую императрицу, а затем в сопровождении свиты направилась в главный зал.

Ведь официальной причиной визита было лечение Жун Цзяня, и после молитвы нужно было заняться этим.

Чжуцюань вошёл извне, и Жун Цзянь взглянул на него.

Они не виделись больше месяца.

Чжуцюань, несмотря на молодость, всегда вёл себя как настоящий мастер, умея производить впечатление. С сострадательной улыбкой он поклонился Жун Цзяню.

Сделав вид, что осматривает принцессу, Чжуцюань сказал несколько слов, что принцесса слаба здоровьем и должна уделять больше внимания своему благополучию. Лин Сун, нервничая, записывала всё на бумаге.

Жун Цзянь встал и последовал за Чжуцюанем в Зал Лотоса, а у входа сказал:

— Вдовствующая императрица велела мне читать молитвы за неё, но если вы войдёте, это может потревожить Будду.

Упомянув вдовствующую императрицу и зная, что такие правила действительно существуют, свита согласилась, что войти будет неуместно, и осталась у дверей.

Зал Лотоса был огромным и пустым, впереди стояла золотая статуя Будды, окружённая подношениями и свечами, а на полу лежало несколько подушек для молитвы.

Жун Цзянь осмотрелся, встал перед подушками и просто стоял, разглядывая статую.

Он не был почтителен, он не поклонялся Будде.

Момо Чэнь держала священные тексты, рядом лежали буддийские подношения, и она улыбалась с чрезмерной услужливостью:

— Что касается чтения молитв, это пустяк, за который не стоит беспокоить Ваше Высочество. Я сделаю это, а вы отдохните.

Такие дела обычно поручались момо Чэнь, чтобы она следила за Жун Цзянем, но теперь, когда у неё были компромат и награды, связанные с принцессой, она не только закрывала глаза, но и сама всё делала, угождая ему.

Жун Цзянь равнодушно кивнул:

— Тогда благодарю вас.

Момо Чэнь думала, что он сядет и будет ждать, пока они не отправятся обратно, но Жун Цзянь пробыл там совсем немного и вышел через маленькую дверь сзади.

Она опустила голову, делая вид, что ничего не видит.

Чжуцюань ждал за дверью и, увидев Жун Цзяня, произнёс:

— Амитофо. Я ждал Ваше Высочество все эти дни, думая, что вы не захотите выходить.

Жун Цзянь вздохнул:

— Разве это я не хочу выходить?

До этого Чжуцюань, видимо, всё устроил, и на пути не было никого постороннего, даже маленьких монахов.

Через вуаль Жун Цзянь плохо видел дорогу, они шли по узкой тропинке, которая не была ухожена, и даже монахи не приходили сюда для уборки, поэтому путь был неровным, с камнями и шишками, на которые можно было легко наступить и упасть.

Жун Цзянь подбирал подол платья, двигаясь осторожно.

Если бы рядом был Мин Е, ему бы не пришлось так напрягаться.

Жун Цзянь подумал об этом, но быстро забыл.

На новом перекрёстке Чжуцюань спросил:

— В Зале Лотоса Ваше Высочество не молились Будде?

Жун Цзянь кивнул.

Чжуцюань продолжил:

— Говорят, что Будда в Зале Лотоса самый могущественный. У Вашего Высочества нет желаний?

Жун Цзянь замедлил шаг.

Почему-то он доверял Чжуцюаню, считая его необычным монахом, непохожим на большинство здесь.

Жун Цзянь честно ответил:

— Я не верю в Будду. А если не верю, то и молиться нет смысла.

Даже после того, как Жун Цзянь из современного мира попал в роман, что было совершенно ненаучным, он не заинтересовался религией.

Может, он просто был таким от природы.

Чжуцюань, одетый в золотую рясу, услышав это, улыбнулся:

— Ваше Высочество поступает в соответствии со своими мыслями, это прекрасно.

Учитывая, что Чжуцюань был уважаемым монахом, Жун Цзянь добавил:

— Это не значит, что я сомневаюсь в Будде, просто я считаю, что нельзя слепо верить.

Чжуцюань, похоже, заинтересовался:

— А что Ваше Высочество считает слепой верой?

Жун Цзянь шёл ещё медленнее, боясь оступиться, и через паузу ответил:

— Молиться и переписывать священные тексты ночью ради здоровья. Убивать и грабить, а потом жертвовать на храмы, чтобы Будда простил и защитил.

Как, например, вдовствующая императрица.

Чжуцюань вздохнул:

— Ваше Высочество действительно имеет связь с Буддой.

Жун Цзянь насторожился:

— Я не стану монахом.

— И монахиней тоже.

Чжуцюань рассмеялся.

Так они шли около получаса, пока Жун Цзянь не почувствовал, что ноги устали, и наконец увидел маленькую дверь.

Лин Сун ждала у двери, подошла к Жун Цзяню и открыла её.

Извилистая каменная дорожка вела вниз, в неизвестность.

Жун Цзянь обернулся и с недоверием спросил:

— Ты же говорил, что нанял карету, и сегодня я могу поехать куда угодно?

Чжуцюань серьёзно кивнул:

— Маленькая тропинка, которую даже охранники из дворца не смогли найти за несколько дней разведки. Вы думали, что по ней можно проехать на лошади?

На мгновение он подумал, что лучше бы остался в Зале Лотоса и спал до вечера. Но, вспомнив,

что такая возможность выпадает редко, и неизвестно, когда он снова сможет выйти из дворца, решил всё же подышать свежим воздухом.

Жун Цзянь стиснул зубы:

— Ладно, пойдём.

<http://bllate.org/book/16310/1471692>